

misterium

misterium

**БУАЛО-
НАРСЕЖАК**

КОНТРАКТ НА УБИЙСТВО

ЭКМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
Б 90

Boileau-Narcejac

LA CONTRAT

Copyright © Editions Denoël, 1988

Буало-Нарсежак

Б 90 Контракт на убийство / Буало-Нарсежак ;
[пер. с фр. Н. А. Световидовой]. — М. : Эксмо,
2013. — 224 с.

ISBN 978-5-699-65577-9

Роман о человеке без имени, человеке, который все видит, но сам остается незамеченным. У него несколько обликов. Он может быть кем угодно, у него нет никаких особых примет. Он тот, кто за деньги торопит смерть и никогда не задает лишних вопросов. Но непредвиденные обстоятельства мешают успешному выполнению его последнего контракта...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

© Н. Световидова, перевод
с французского, 2012

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-65577-9

*Памяти Мабрука,
немецкой овчарки с человеческим сердцем*

Глава 1

— Я жду знакомого! — говорит Г.

Официант извиняется, а Г подвигает к себе стул. Никогда не оставлять рядом свободного места, которое кто-то сочтет возможным занять. В кино всегда садиться в глубине, у самого прохода. Предупреждать билетершу: «Я жду знакомого!» Не пользоваться общественным транспортом. Поблизости всегда найдется такси. Либо уж идти пешком, что позволяет наблюдать за окружающими. Но только краешком глаза, не подавая виду! Г к этому привык! Чего ему, в сущности, бояться? Главное — ощущать свободное пространство и справа и слева. Если надо, остановиться. Или же сменить направление. Но шагать всегда решительно. Как человек, который просто прогуливается и которому не в чем себя упрекнуть. В данный момент, сидя на террасе «Универ», он мирно попивает кофе, рассеянно взирая на уличную суету, на

привычные танцы рассыльных, открывающих и захлопывающих дверцы лимузинов, подъезжающих к роскошному отелю напротив. Вот подкатил «бентли». Собираясь выйти из машины, сказочное создание вытягивает изящную ножку волнующих очертаний. Только Г это не волнует. И «бентли», и белокурую красотку, которая удаляется, небрежно, словно сумочку, зажав локотком пуделька, — все это он мог бы купить, несмотря на свой более чем скромный вид. Однако ему доставляет удовольствие быть просто Г, всего лишь начальной буквой, причем не заглавной, прохожим, неопределенной личностью, человеком, который все видит, но сам остается незамеченным. Улица забита машинами с переполненными багажниками: корзины, детские велосипеды, шезлонги, доски для виндсерфинга — радостная вереница августовских отдыхающих... Г строит неясные планы. И даже не планы, ибо он слегка задремал. Просто в его сознании возникают приятные картины, способствующие пищеварению. Река, томный вздох лягушки среди кувшинок, баржа с низкими бортами, где женщина развешивает выстиранное белье.

Внезапно раздается взрыв, оглушительный и резкий, словно кто-то выстрелил из пушки над самым ухом. На секунду все замерли в изумле-

нии. Слышен звон падающей посуды, и сразу же начинается страшная суматоха, следующая обычно за покушением. Несмотря на всю свою выдержку, Г несколько растерян. Его толкают разбегающиеся с воплями ужаса посетители. Опрокинут столик вместе с чашкой и кофейником. «Неужели трудно сообразить, — рассердился он. — Да, разорвалась бомба, но не здесь... рядом...» Ему хочется крикнуть: «Успокойтесь!» — однако он тут же берет себя в руки. Надо постараться уклониться от расспросов полиции и журналистов. А они нагрянут с минуты на минуту. Г отряхивает одежду. Под ногами хрустит битое стекло. На улице гул митингующей толпы, почти заглушающий первые сигналы «скорой помощи». Г прокладывает себе дорогу среди заполнивших тротуар зевак. Словно пытаясь отдышаться, подносит ко рту платок, пробираясь тем временем между остановившимися машинами и группами любопытствующих. Ищет просвета среди теснящихся спин набежавших людей. Ростом он невысок, и его грубо толкают со всех сторон. Но появление пожарных и полицейского автобуса порождает некое движение в толпе, и, воспользовавшись сумятицей, Г проскальзывает в первый ряд. Перед отелем образовалось нечто вроде запретной зоны, откуда тянутся струйки дыма.

Пахнет гарью, беспорядками, гражданской войной. Дверь в тамбур выбита, и в вестибюле отеля видны силуэты бегущих в разные стороны неузнаваемых людей: возможно, вон тот человек с окровавленным лицом — метрдотель, а этот раненый — клиент, взывающий, судя по всему, к носильщику, который судорожно сжимает в руках раскрывшийся чемодан. Г старается ничего не упустить. Ему хочется набить трубку и закурить, но нельзя: это неразумно. Напротив, надо слиться с толпой, проникнуться ее волнением, отдаться на волю пронизывающему ее, словно ток, чувству локтя. Зато с полным правом можно расспрашивать случайных соседей.

— Вы что-нибудь видели?

— Конечно. Он побежал к перекрестку.

— Кто?

— Террорист. Переодетый рассыльным.

— Нет-нет, позвольте... У него была сумка.

Спешат санитары, раскрывая на ходу носилки.

— Там полно убитых. Еще бы! Обеденный час!

Люди перебивают друг друга, гнев нарастает.

— Смертная казнь! Никакой пощады.

Г слушает. Он впервые оказался в гуще событий и все видит воочию. Ему доводилось,

конечно, читать статьи, смотреть телепередачи. Подхваченные на бегу тела пострадавших, носилки, которые торопливо запихивают в машины «скорой помощи», — тут есть отчего содрогнуться, однако это мимолетное впечатление быстро улетучивается. Здесь же совсем другое дело: растерянные взгляды, горестный стон толпы при виде жертв, едва прикрытых одеялом, из-под которого порой высовывается нога. Такого рода детали не могут оставить безучастным. Г невольно достает трубку и начинает сосать ее. Справа раздается голос:

— А тип-то, похоже, был значительным лицом в своей стране.

— Что за страна?

— Где-то в центре Африки. С ним была секретарша. Ей тоже досталось. Гранату привязали к шее собаки. Ну и грязная работенка!

Вопреки своим правилам, Г пытается представить себе картину случившегося. Преступник открывает дверь в тамбур. Прикрепляет к ошейнику снятую с предохранителя гранату. Указывает собаке ее жертву.

— Беги скорее.

И пес бросается вперед, а убийца тем временем уходит. Граната разрывается в гуще толпы. Г прикидывает. По меньшей мере четверо или пятеро убитых и с десятков раненых. Вот он —

терроризм! Слепое уничтожение! Использовать собак! Какая мерзость! Он возмущен до глубины души, как любой добросовестный мастер, оценивающий скверную работу. Подоспевшая полиция оттесняет зевак. У входа в вестибюль официальные лица делают какие-то заявления. Блицы фотоаппаратов. Репортеры стараются не упустить подробности, запечатлевая обломки и кровь — обычная ежедневная пища для выпусков новостей.

Г отстывает, растворяясь в людской массе. Ну и совпадение! Ведь он мог бы пройти мимо отеля как раз в тот момент, когда тип...

Остановившись, Г набивает трубку. Самое лучшее — предупредить мсье Луи. День выбран неудачный, вот и все. Он подносит спичку к трубке. Возможно ли! Его рука слегка дрожит. Понадобились две спички... Почему он разволновался? От неожиданности, конечно! Такой оглушительный взрыв — у него даже зубы застучали! На мгновение ему почудилось, будто стреляли в него. Ладно, это всего лишь совпадение! Не стоит пережевывать одно и то же! Он идет по Елисейским Полям навстречу прохожим, спешащим к месту разыгравшейся драмы. Старается шагать спокойно. Непростительно терять хладнокровие. Пускай паникуют другие, это их дело. Но только не он! Ни в

кчем случае не он! Мсье Луи рассердится. Хотя какая, в сущности, разница! Одной неделей раньше или позже... Он пересекает эспланаду Инвалидов, здесь царит полнейшее спокойствие. Никто еще не знает о покушении. Но и сюда доносятся сигналы «скорой помощи», правда издалека — обычное дело.

Войдя в кафе, Г спускается к телефону. Звонит.

— Мсье Луи?

— Вы ошиблись, — слышится в ответ чей-то голос.

Привычные меры предосторожности. Далее следует сказать:

— Я от Жоржа.

Молчание, потом раздается приглушенный голос мсье Луи. Он и слова не дает вымолвить своему собеседнику.

— Знаю, — шепчет мсье Луи. — Покушение на министра Бурунди. Ну и что? Вас это не касается... Даю вам четыре дня. И прошу не звонить мне больше.

Он вешает трубку. Спорить бесполезно. Мсье Луи не отступится. Четыре дня на подготовку такой тонкой операции! Чистая халтура. Но с другой стороны, это позволит ему действовать, делать по порядку одно за другим, и тогда наверняка хватит одной спички, чтобы раскурить

трубку. Начиная с этого момента нельзя терять ни минуты. Прежде всего надо взять напрокат автомобиль. Г постоянный клиент у «Ави». Так что задержки не будет. Безупречный белый «пежо». Бумаги в порядке. Он выбрал документы на имя Жоржа Баллада, преподавателя из Нанта. Благодаря мсье Луи у него несколько обличей. Чуть ли не каждое утро он для забавы выбирает одно из них. То коммивояжера, то служащего книжной лавки, а то инженера в отпуске. К несчастью, нельзя изменить физиономию. Приходится пользоваться всегда одной и той же фотокарточкой, нарочно сделанной не очень четко. Узкое лицо с глядящими куда-то в сторону глазами. Г может быть кем угодно. Никаких особых примет. Сев за руль своего «пежо», он, по счастливой случайности, находит свободное место возле Лионского вокзала. Теперь все пойдет по накатанному пути. Ему нравится всякий раз заново разыгрывать сценарии, которые он знает наизусть. И пожалуй, Г чувствовал бы себя вполне счастливым, довольствуясь малым повседневным счастьем, если бы не эта граната, зиявшая огромной дырой в привычной рутине дня. Кошмар, о котором не следует больше думать.

На вокзале полно спешащих людей. Г направляется в камеру хранения. В руках у него

ключ от шкафчика, полученный накануне по почте. Мсье Луи полагает, что это самый надежный способ. Долго искать не пришлось. Как всегда, шкафчик выбран в нижнем ряду. Мания? Предосторожность? Суеверие? Или желание подбодрить Г: «Видите? Все идет хорошо!» Г открывает узкий металлический шкафчик, где лежит спортивная сумка для игры в гольф с богатым набором клюшек. Он берет ее, даже не оглянувшись по сторонам. Обычный отпускник, отбывающий на природу. Крепко ухватив сумку, ошестинившуюся плоскими, как у кобры, головками клюшек, Г по весу чувствует, что оружие, по обыкновению, спрятано там. И, насвистывая, удаляется. Вести себя следует так, словно за тобой постоянно кто-то наблюдает, хотя в данный момент каждый озабочен лишь грядущими удовольствиями. Сумка кладется в багажник с большой осторожностью — из-за оптического прицела. Заботу о винтовке берет на себя мсье Луи. За все время он ни разу не допустил ошибки. Г выбирает оружие в зависимости от стоящей перед ним задачи, а все остальное, именуемое Г хозяйственными хлопотами, ложится на мсье Луи. Г никогда не пытался понять, как тому удастся выкручиваться. Откуда берется винтовка, кто ее забирает и куда она девается — это не его дело. От Г тре-

буется только одно: сдать напрокат свой зоркий глаз и не задавать лишних вопросов. Он приходит, целится, стреляет раз, очень редко два и сразу исчезает. Остальное — дело журналистов. Г даже газеты не всегда читает. Ему известно главное: его вмешательство положило конец какой-то ссоре. Он не обязан принимать чью-либо сторону в противоборстве интересов, сталкивающих сильных мира сего. Ему платят. Причем щедро. Если он дрогнет, проявит любопытство или самостоятельность, тогда из тени выйдет другой стрелок, чтобы восстановить порядок. Хотя... Г улыбается. Не много найдется других таких стрелков... Их можно по пальцам пересчитать. Существует, правда, и иной способ: натравить на выбранную добычу безумцев, готовых даже самих себя разорвать на куски... или приносить в жертву собак, а это, конечно, гнусность...

Г трогается с места. Почему гнусность? Да потому что, в сущности, мастерское умение стрелка делает преступление подвигом, в то время как граната на шее собаки — тошнотворная мерзость. Пули в голову, одной-единственной, довольно, чтобы превратить жертву в своего рода сообщника, помощника иллюзиониста. Так и ждешь, что убитый поднимется, дабы засвидетельствовать свое почтение. Тогда

как слепое нападение, залитые кровью стены... Нет, это невыносимо.

Машины он ведет, как всегда, крайне осторожно. На улицах Монмартра почти никого. Г живет в маленькой мебелированной квартирке на улице Фонтен. В пору отпусков мест для стоянки сколько угодно. Остановив машину напротив дома, Г размышляет, прежде чем выйти. Терроризм, бесспорно, самая грубая — он чуть было не подумал «самая невоспитанная» — форма убийства. Тут он сбился в своих рассуждениях. Но смутно ощущал, что есть несомненная разница между мешаниной внутренностей — следствием бойни — и едва кровоточащим отверстием от пули. Однако как тут не понять: массовое уничтожение, заменяя собой тонкое исполнение приговора, грозит погубить его ремесло. На смену мастерской руке придет механика убийства, и тогда конец контрактам, но мало того: прежних исполнителей, ставших ненужными и опасными, постараются убрать. Случайное совпадение, странным образом скрестившее пути двух палачей, — это, по сути, знамение времени. Старинная техника и новая школа.

Крайне удрученный, Г выходит из машины и прячет сумку для гольфа в надежное место. Четыре дня! Мсье Луи понятия не имеет, о чем